

Мельничук Виктория Александровна

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ ДИНАМИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ПРЕЛЕСТЬ)

В статье рассматривается семантическая и оценочная динамика слова "прелесть" в русском литературном языке XVIII-XXI вв. и в церковном социолекте. Обращение к данным Национального корпуса русского языка позволило уточнить временной промежуток, когда оценочный компонент слова "прелесть", вследствие развившейся энантиосемии, начал обнаруживать зависимость от тематики текста. В религиозных и нравоучительных текстах оно выступает как слово с отрицательной оценкой. Исторически обусловленный разрыв традиции религиозной прозы вывел отрицательное значение слова "прелесть" на периферию. Однако в XXI в. оно вновь стало функционировать, причем не только в номинативной, но и идентифицирующей функции в церковном социолекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 113-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Bryant J. E.** Best-Fit Constructional Analysis. Berkley: University of California, 2008. 223 p.
7. **Chomsky N.** Some Notes on Economy of Derivation and Representation // Principles and Parameters in Comparative Grammar. Cambridge MA: MIT Press, 1991. № 20. P. 417-454.
8. **Corpus of Contemporary American English** [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 26.05.2017).
9. **Croft W.** Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001. 448 p.
10. **Evans V., Green M.** Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
11. **Fielding H.** Bridget Jones's Diary. L.: Picador, 1996. 157 p.
12. **Fillmore Ch.** The Case for Case // Bach E. and Harms R. T. Universals in Linguistic Theory. L.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1-25.
13. **Goldberg A. E.** Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p.
14. **Harley H.** Possession and the Double Object Construction // Linguistic Variation. 2002. № 2. P. 31-70.
15. **Levin B.** English Verb Classes and Alternations: a Preliminary Investigation. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 348 p.
16. **Mukherjee J., Hoffman S.** Describing Verb-complementational Profiles of New Englishes: A Pilot Study of Indian English // English World-Wide. 2006. Vol. 27. № 20. P. 147-173.
17. **Qi X.** A Corpus-based Study of Alternating Ditransitive Constructions in Chinese Learner English. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 2014. 207 p.
18. **Reddy M. J.** The Conduit Metaphor – a Case of Frame Conflict in Our Language about Language // Ortony A. Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284-324.
19. **Rowling J. K.** Harry Potter and the Order of Phoenix. N. Y.: Levine Books, 2003. 870 p.
20. **Rowling J. K.** Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. N. Y.: Bloomsbury (UK), 1999. 435 p.
21. **Steels L., De Beule J.** A (Very) Brief Introduction to Fluid Construction Grammar // Steels L., De Beule J. Proceedings of the 3rd Workshop on Scalable Natural Language Understanding. N. Y.: ACL, 2006. P. 73-80.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF INVARIANT AND DIFFERENTIAL SEMANTICS OF SPEECH UNITS WITH BI-TRANSITIVE CONSTRUCTION

Makoeva Dana Gisovna

*Institute for Computer Science and Problems of Regional Management
of "Kabardino-Balkar Scientific Center of Russian Academy of Sciences", Nalchik
iipru@rambler.ru*

The article describes and systematizes speech units formed on the basis of bi-transitive construction, identifies invariant and differential semantics of their components motivating the general meaning of a statement. The analysis of factual material allowed the author to deduce the prototypic proposition of bi-transitive construction and derivative propositions correlating with the semantic classes of statements objectifying this construction. Within each semantic class of speech units with bi-transitive construction the author establishes and interprets typical situations, discovers cognitive mechanisms of their verbalization, identifies and summarizes semantic restrictions on lexical structure of bi-transitive construction.

Key words and phrases: bi-transitive construction; conceptual parameters; argument structure; proposition; agent argument; patient argument; recipient argument; verbal predicate.

УДК 8; 81'373.(47)

В статье рассматривается семантическая и оценочная динамика слова «прелесть» в русском литературном языке XVIII-XXI вв. и в церковном социолекте. Обращение к данным Национального корпуса русского языка позволило уточнить временной промежуток, когда оценочный компонент слова «прелесть», вследствие развившейся энантиосемии, начал обнаруживать зависимость от тематики текста. В религиозных и нравоучительных текстах оно выступает как слово с отрицательной оценкой. Исторически обусловленный разрыв традиции религиозной прозы вывел отрицательное значение слова «прелесть» на периферию. Однако в XXI в. оно вновь стало функционировать, причем не только в номинативной, но и идентифицирующей функции в церковном социолекте.

Ключевые слова и фразы: оценка; энантиосемия; семантическая динамика; стилистика; социолект; диахрония.

Мельничук Виктория Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет
st048928@student.spbu.ru*

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ ДИНАМИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ПРЕЛЕСТЬ)

Установление антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике выдвинуло на первый план исследования, посвященные роли языка в познавательной деятельности и мышлении, важным компонентом которого является логическая операция оценки – «умственный акт, являющийся результатом взаимодействия

человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели» [8, с. 8]. При этом оценочность имеет социальную природу, так как оценка определяется исторически сложившимися в языковом коллективе представлениями о ценности предмета. В. А. Марьянчик подчеркивает, что «содержание любой ценности следует рассматривать в диахроническом аспекте» [12, с. 22]. В зависимости от культурно-исторического опыта ценность того или иного явления может отличаться для разных социальных групп, и эта разница находит отражение в оценочных значениях слова. Например, общеизвестно приобретение безоценочными словами русского литературного языка оценочных значений в жаргонах и просторечии [3; 22].

Целью нашей статьи является показать специфику оценочной динамики церковнославянизма *прелесть* на общезыковом фоне и в рамках отдельной социальной разновидности языка – церковного социолекта. Некоторые замечания о семантике однокоренных глаголов *прельстить/прельщать* были сделаны в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [2]. Наблюдения, касающиеся особенностей функционирования слова *прелесть* как этимологически родственного словам *льстить* и *лесть*, присутствуют в статье Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [7]. А. Н. Архангельский рассматривал особенности употребления слов *прелесть* и *прельстить* в первой половине XIX в. в контексте проблемы становления «церковно-обиходного языка» [1]. В статье, посвященной анализу стихотворения А. С. Пушкина «Мадонна», Н. В. Перцов полемизирует с А. Н. Архангельским о стилистической правильности и уместности строки *чистойшей прелести чистойший образец* [15]. Хотя указанные работы и затрагивают отдельные аспекты функционирования слова *прелесть*, они не дают целостной и последовательной картины семантической и оценочной динамики лексической единицы.

Под церковным социолектом мы понимаем социальную разновидность русского языка, свойственную ведающим и прихожанам Русской православной церкви. Специфику языковой личности носителя церковного социолекта составляет знакомство с каноническими религиозными текстами, в том числе на церковнославянском языке, а также со святоотеческой и нравоучительной литературой, официально одобренной Церковью.

Л. П. Крысин отмечает: «Социальная обусловленность языка... выражается в том... что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде» [10, с. 26]. В речи представителей исследуемой социальной группы такую функцию приобретают церковнославянизмы с «деархаизированной семантикой» [23], которые также восстанавливают утраченный оценочный компонент слова и аксиологические характеристики понятия. Примерами обозначенного явления могут служить слова *прелесть, искушать, соблазнять, смущаться, убожество, страхование, ревность, добросовестность, смиряться, мытарь, распинаться, вертеп, возмездие, выспренне, превратный, житие, благодать, благолепие, поветрие, страсть*.

Особый стилистический статус церковнославянизмов, их место в лексической системе русского языка, обусловленные исторически, затрудняют односложное описание их семантической и оценочной динамики, что сопряжено также с лингвистической проблемой тождества слова.

Исторически значительное число церковнославянизмов имеет русские омонимы, которые не только отличаются по значению, но и в ряде случаев оценочно противоположны. Современная лексикографическая практика объединяет генетически родственные значения в одной словарной статье, воплощая, таким образом, идею Н. И. Толстого о том, что «синхронная полисемия есть не что иное... как развернутая в пространстве диахрония» [21, с. 15].

Анна А. Зализняк в связи с практической задачей формирования Каталога семантических переходов указывает на то, что пары слов из близкородственных языков могут считаться примерами семантической деривации [6].

Примером регулярной реконструкции устаревшей семантики и оценочности в церковном социолекте являются слова с основой *прелест*. В современном русском языке оценка этих слов положительная: Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (далее – МАС) выделяет 5 позитивных значений слова *прелесть* [19, с. 378].

Также в целом положительной оценочностью наделен глагол *прельстить*, хотя второе его значение содержит в себе имплицитную информацию о вероятности негативного исхода действия, которому сопутствует процесс *прельщения*: '1. Подчинить своему обаянию, пленить, очаровать. 2. Соблазнить, привлечь' [Там же].

В материалах к словарю «Церковнославяно-русские паронимы» О. А. Седакова определяет *прелесть* как '1. Обман, обольщение. 2. Блуждание, уклонение' [17, с. 285]. В Словаре Академии Российской дана такая дефиниция: *Прелесть* – '1. Коварство, обман, соблазн. 2. Красота, пригожество; пленительный вид, взор'. *Прельщаю* – 'привлекаю кого к чему или к себе; возбуждаю страсть, любовь к чему или к себе обещаниями, красотой или какими либо предлагаемыми выгодами; соблазняю' [18].

Таким образом, можно сказать, что первое и второе значения и у слова *прелесть*, и у слова *прельстить* находятся в отношениях оценочной энантиосемии – «особая непродуктивная разновидность антонимии» [5, с. 152], формальным выражением которой служат различия в синтаксической или лексической сочетаемости слова в его полярных значениях. Б. Ганеев сравнивает значения слова с секторами веера: «...при энантиосемии крайне противоположные значения слова находятся на крайних позициях в веере... нередко разделенные многими промежуточными значениями. Это позволяет существовать самой энантиосемии и сосуществовать противоположным значениям» [Там же, с. 160]. Добавим, что «сектора веера» продолжают взаимодействовать, сохраняют связь, которая кажется практическим неуловимой вне особых коммуникативных условий и специальных дискурсов. Энантиосемия затрагивает не только лексическое значение слова, но и ценностную и оценочную составляющую, формируя аксиологическую энантиосемию.

Обращение к «Словарю русского языка XI-XVII вв.» раскрывает предпосылки расхождения значений: 1. Соблазн, греховное искушение, прельщение, обман. 2. Тот или то, что может прельстить, соблазнить. 3. Заблуждение, ошибка, грех. 4. Ложь, выдаваемая за истину и отвращающая от истинной веры. 5. Преступление, вред, грех. 6. Козни, обман, коварство. 7. Обманчивая привлекательность, очарование, обольстительность [20, с. 259]. Все описанные значения связаны идеей обманчивости, ложности впечатления от объекта, обозначаемого словом *прелесть*. Дальнейшее развитие семантики и оценки этого слова, очевидно, обусловлено седьмым, наиболее образным значением.

Национальный корпус русского языка помогает проследить, как постепенно оформлялась и реализовывалась в различных текстах энантиосемия. Заданный по времени создания текста подкорпус 1700-1750 гг. показал 5 вхождений слова *прелесть* [14]. В четырех из этих контекстов оценочное значение слова *прелесть* однозначно отрицательное и в одном контексте – скорее отрицательное, чем положительное: *Тотъ наилучше сего избудеть, кто у Улисса научится, какъ отъ прелестей Цирициныхъ убъгать; однакожь какъ можно смотри, чтобъ изъ такихъ случаевъ съ честью, и учтивствомъ выти* [Там же]. / *Тотъ успешнее избежитъ этого [поруугания чести], кто у Улисса научится, какъ отъ прелестей Цирициныхъ убежать; всё же необходимо стараться изъ такихъ случаевъ съ честью и учтивостью выходить* (здесь и далее перевод автора статьи. – В. М.). В этом примере значения ‘соблазн’ и ‘женская красота’ слились, и провести между ними границу достаточно сложно. Выборка 1751-1760 гг. также дает слово *прелесть* исключительно в негативном смысле (5 документов, 5 вхождений) [Там же].

Более интересное распределение получаем в выборке 1761-1770 гг. [Там же]: на 84 вхождения в 15 документах мы обнаружили 19 контекстов, в которых слово *прелесть* имеет значение ‘соблазн’ и обладает отрицательным оценочным компонентом. В остальных 69 контекстах оценка слова *прелесть* положительная, причем спектр значений уже соответствует описанному в МАС. Тематика текстов, где слово *прелесть* употребляется в отрицательном смысле, философская, религиозная и нравоучительная. Их авторы – известные мыслители, религиозные философы и церковные деятели XVIII в.: Я. Козельский, Г. Сковорода, архиепископ Платон (Левшин), Д. Аничков. Неожиданно в этот круг попадает Д. И. Фонвизин, у которого слово *прелесть* фиксируется с обоими оценочными компонентами в хронологически отдаленных текстах: «Торгующее дворянство» 1766 г. – отрицательная оценка, «Иосиф», «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» (1769 г.) – положительная. В одном случае (3 вхождения) негативное значение проявилось в тексте путевых заметок Ф. Соимонова «Описание Каспийского моря» (1763 г.), приведем один из примеров: *И такъ воры и мятежники людей Божьихъ возмутили, и сатанинскую прелесть прельстили, что на Бояр, о горе и увы* [Там же]! / *И такимъ образомъ злодеи и мятежники людей Божьихъ подстрекали к бунту и ввели в сатанинскую прелесть, что те на Бояр [пошли с оружием], о горе и увы!* Ф. Соимонов – купец, автор путевых заметок – вводит в светский по содержанию текст слово *прелесть* в уже маркированном для этого момента значении, и поэтому возникает необходимость в эпитете *сатанинский*, который выступает в качестве формального ограничителя [9], а точнее разграничителя, положительного и отрицательного значения.

Положительный оценочный знак фиксируется примерно с 1764-1765 гг., тогда как отрицательная оценка возникает на протяжении всего десятилетия, но после 1765 г. **исключительно в специальных контекстах**. Следовательно, мы можем уточнить предположение о том, что «слово *прелесть*, за исключением религиозных контекстов, утратило – по-видимому уже в пушкинскую эпоху (подчеркнуто нами. – В. М.) – свою внутреннюю форму и, соответственно, отрицательные коннотации» [7, с. 666]. Уже с 1764-1765 гг. отрицательное и положительное значения слова *прелесть* оказываются в дополнительной дистрибуции: *прелесть* в негативном значении ‘соблазн’ свойственно текстам нравоучительной и религиозной тематики, написанным в высоком стиле. Подкорпус 1771-1780 гг. [14] подтверждает выявленную закономерность: в 19 документах найдено 31 вхождение, из которых 5 контекстов указывают на отрицательную оценочность. Все они принадлежат одному автору – архиепископу Платону (Левшину) и имеют нравоучительный характер. В дальнейшем (выборка 1800-1900 гг.) кардинальных перемен в тематически обусловленном распределении оценочного компонента слова *прелесть* не наблюдается. Отметим лишь, что в некоторых случаях отрицательная оценка становится более расплывчатой, так как слово *прелесть* попадает в состав общеязыковых метафор: «*Какой в них был дух, какой небесный полет, какое презрение ко всем прелестямъ мира – к тому, что так высоко ценит мир, чем прельщается, чем бредит, чем болит и из-за чего беснуется!*» (Иоанн Кронштадтский) [Там же].

Следствием энантиосемии и ухода церковнославянского значения на периферию становятся оксюморонные с точки зрения истории языка сочетания, встречающиеся в художественных текстах: *новая прелесть Евангелия* [16], *святая прелесть (молитвы)* [11]. Эти примеры отмечались исследователями-литературоведами [4; 13] и осмысливались в контексте религиозных воззрений поэтов. А. Н. Архангельский считает, что так проявил себя процесс «расподобления светской культуры и церковного бытия России XIX-XX веков» [1].

Таким образом, можно сказать, что в русском литературном языке слово *прелесть* и его дериваты прошли путь от отрицательного значения к ситуации оценочной энантиосемии. Оценка определялась контекстом, что в дальнейшем привело к установлению принципа дополнительной дистрибуции: употребление слова с положительной оценкой преобладает, но в текстах определенной тематики (религиозная, нравоучительная) возможна отрицательная оценка.

После 1917 г. в связи с изменениями в политической и социальной жизни России религиозная проза не была доступна читателю, поэтому намечившаяся закономерность употребления слова *прелесть* с отрицательным оценочным компонентом ушла на периферию, но не была утрачена. В конце XX в. намечилась

тенденция «возвращения старого, ранее отвергнутого и запрещенного, которое воспринималось в этот период как нечто новое» [23, с. 4].

Возвращаясь к обозначенному в начале статьи вопросу о функционировании церковнославянизмов в церковном социолекте, рассмотрим примеры употребления слова *прелесть* в языке прихожан Православной церкви (в примерах из сетевых источников сохраняется орфография и пунктуация оригинала. – В. М.):

1. *Человек летает и ему кажется, что у него крылья... Мне почему то казалось, что это состояние называется прелестью, очень ярко проявляющееся в период неофитства. И вроде как в нём надо каяться на исповеди... нет?; 2. ...нет, конечно! Это просто Господь на руках носит... А вот если Вы считаете, что крылья – это результат Ваших трудов или святости – тогда, несомненно, прелесть [25].*

Оценочный компонент слова *прелесть* в этих высказываниях соответствует церковнославянскому, тогда как семантика претерпела некоторые изменения. В примерах 1 и 2 значение слова *прелесть*, несомненно, обусловлено значением церковнославянского слова, но приобретает ярко выраженный оттенок обозначения *состояния*, на что и указывает одна из собеседниц (*это состояние называется прелестью*). Во втором высказывании нужно обратить внимание и на то, что слово *прелесть* стоит в позиции оценочного предиката.

Значение состояния отражено и в примере 3: 3. *Он много слышал о нем и решил познакомиться со старцем Иосифом, но отцы и братия отговорили его – сказали, что он пребывает в прелести [24].*

Одновременно мы зафиксировали примеры употребления слова *прелесть* в светском значении, с оценочным компонентом, соответствующим современной литературной норме, в позиции предиката: 4. *Такая прелесть травяной, фруктовый, зеленый чай, ммм [26].*

На основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что семантика и оценочные коннотации слова развиваются нелинейно: приобретенный словом «багаж» не утрачивается, новые значения не перечеркивают предшествующие, а накапливаются, чтобы реализоваться в более подходящих коммуникативных условиях. В речевых ситуациях, определенных личным мировоззрением говорящего, кругом собеседников-единомышленников, религиозной тематикой, слово *прелесть* возрождает, хоть и в несколько преобразованном виде, специальную церковнославянскую семантику и оценочный компонент и приобретает идентифицирующую функцию.

Список источников

1. **Архангельский А.** Огнь бо есть. Словесность и церковность: литературный сопромат [Электронный ресурс] // Новый мир. 1994. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/2/archan.html (дата обращения: 16.09.2017).
2. **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** Типы каузации и лексикографическое описание русских каузативов // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 181-189.
3. **Вахитов С. В.** Лекция о русском сленге. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 48 с.
4. **Воропаев В. А.** Что означают слова «прелесть» и «просвещение» у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45807.php> (дата обращения: 16.09.2017).
5. **Ганеев Б. Т.** Противоречия в языке и речи. Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. 472 с.
6. **Зализняк А. А.** Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект Каталога семантических переходов // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13-26.
7. **Зализняк А. А., Шмелев А. Д.** Лстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 66-667.
8. **Ильина Н. В.** Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. М., 1984. 16 с.
9. **Колесов В. В.** Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 80-87.
10. **Крысин Л. П.** Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26-42.
11. **Лермонтов М. Ю.** Молитва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.all-poetry.ru/stih347.html> (дата обращения: 16.09.2017).
12. **Марьянчик В. А.** Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста. М.: Либроком, 2013. 266 с.
13. **Михайлов В. Ф.** Михаил Лермонтов. Один меж небом и землей. М.: Молодая гвардия, 2014. 624 с.
14. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.09.2017).
15. **Перцов Н. В.** О последнем сонете Пушкина // Логический анализ языка. Язык этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 399-405.
16. **Пушкин А. С.** Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0957.htm> (дата обращения: 16.09.2017).
17. **Седакова О. А.** Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 429 с.
18. **Словарь Академии Российской** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10109/#page/594/mode/1up> (дата обращения: 16.09.2017).
19. **Словарь русского языка:** в 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
20. **Словарь русского языка XI-XVII вв.** М.: Наука, 1992. Вып. 18. 288 с.
21. **Толстой Н. И.** Избранные труды: в 3-х т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. 520 с.
22. **Химик В. В.** Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

23. Шмелькова В. В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2010. 34 с.
24. <http://matusenka.livejournal.com/159985.html> (дата обращения: 16.09.2017).
25. <http://matushki.ru/viewtopic.php?f=51&t=414&start=1000> (дата обращения: 16.09.2017).
26. <https://prihozhanka.ru/viewtopic.php?t=11&start=80> (дата обращения: 13.07.2016).

**ON A PECULIARITY OF EVALUATIVE DYNAMICS OF CHURCH SLAVONICISMS
IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF THE WORD ПРЕЛЕСТЬ/PRELEST)**

Mel'nichuk Viktoriya Aleksandrovna

Saint Petersburg University

st048928@student.spbu.ru

The article examines semantic and evaluative dynamics of the word *прелесть/prelest* in the Russian literary language of the XVIII-XXI centuries and in the church sociolect. Analysis of the Russian National Corpus data allowed the author to clarify the time period when evaluative component of the word *прелесть/prelest* due to developed enantiosemy began to manifest the dependency on text subject. In the religious and moralistic texts it comes out as a word with negative evaluation. Historically conditioned breakage of religious prose tradition displaced the negative meaning of the word *прелесть/prelest* to the periphery. Nevertheless, in the XXI century it comes into use again and not only in nominative but also in the identifying function in church sociolect.

Key words and phrases: evaluation; enantiosemy; semantic dynamics; stylistics; sociolect; diachrony.

УДК 811.161.1'37

В статье рассматриваются паремии русского языка с соматическим компонентом «голова» в составе, объективирующие концептуальную метафору ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ. Наблюдения, сделанные автором в ходе анализа данных языковых единиц, служат доказательством того, что концепт ГОЛОВА в сознании носителей русского языка частично структурирован образной схемой ВМЕСТИЛИЩЕ.

Ключевые слова и фразы: концептуальная метафора; паремия; пословица; поговорка; русский язык.

Милашевская Ирина Владимировна

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

imilashvskaya@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ»:
ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Строение головы как части тела, отраженное в современных толковых словарях [1, с. 214; 8, с. 135; 9, с. 325], имеет нечто общее с устройством вместилища: внутреннее пространство головы ограничено костями черепа, она вмещает конкретное содержимое (мозг). Это объективное сходство, на наш взгляд, является одной из предпосылок, позволяющих частично структурировать концепт ГОЛОВА с помощью образной схемы ВМЕСТИЛИЩЕ. Такое структурирование базируется на оппозициях внешнего и внутреннего, содержащего и содержимого и делает возможным языковое метафорическое и метонимическое развертывание анализируемой концептуальной метафоры. Прототипические признаки вместилища становятся базовыми для формирования анализируемой метафорической модели; метафора же, в свою очередь, объективирует образные смыслы концепта ГОЛОВА.

Одним из языковых средств объективации концептуальной метафоры являются паремии – устойчивые воспроизводимые единицы, представляющие собой выражения дидактического характера. К паремиям обычно относят пословицы, функционирующие в речи как самостоятельные высказывания, и поговорки, функционирующие как часть высказывания. Пословицы и поговорки принадлежат к малым фольклорным жанрам и, в отличие от крылатых слов, считаются анонимными изречениями. При широком подходе к определению термина *паремия* в число паремических выражений также включают другие малые жанры фольклора: загадки, приметы, побасёнки и проч.

Массив паремических выражений, анализируемых в данной статье, сформирован на основе трех источников: сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» в двух томах [3], «Большого словаря русских поговорок» [6] и «Большого словаря русских пословиц» [7] под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. Основу массива составляют 57 выражений, полученных из первого источника методом сплошной выборки (это около 10% всех единиц с соматическим компонентом *голова*, включенных в сборник). Второй и третий источники используются в работе в качестве дополнительных, из них выбраны 27 выражений, иллюстрирующих анализируемую метафору (диалектные и жаргонные единицы не рассматривались).

Анализ пословиц и поговорок, включающих ключевую лексику, номинирующую концепт ГОЛОВА, показывает, что в коллективном сознании носителей русского языка голова метафорически уподобляется